

Но даже совершенно не умея писать стихи, перед императором нельзя было тянуть время так, как перед экзаменаторами. Цуй Се всё же сложил стихотворение, следуя правилам рифмы и ритма:

— Святой путь открыли Яо и Шунь, благодетельный глас преобразует простой народ. Царь У принял великое повеление, Цзи-цзы рассуждает о государе и подданных...

Это стихотворение от стоящего за званием «вундеркинда» было далёко как от неба до земли, однако с грехом пополам за стих сходило. Сын Неба Чэнхуа вздохнул:

— Сразу видно... что и вправду не учился. Бывают ли... вундеркинды, что умеют писать лишь сочинения?

Тань Чан тут же спросил от лица императора Хунчжи:

— Разве твой прежний учитель не учил тебя слагать стихи?

Цуй Се, опутив руки вдоль тела, ответил:

— Когда этот шэньюань учился дома, из-за моей скудости ума учитель ещё не дошёл до разъяснения канонов и написания сочинений. Но мой батюшка, видя, что ученик взрослеет, велел мне сначала вернуться на родину и попробовать свои силы на экзаменах. Опасаясь, что времени впритык, я попросил учителя сперва научить меня писать сочинения. Я решил, что после испытаний, независимо от того, пройду ли я их или провалюсь, снова возьмусь за стихи.

«Ну и бестолковый же папаша: не зная, до чего доучился сын, дерзнул отправить его на экзамены! Хорошо ещё, что мальчишка оказался гением. Будь на его месте кто иной, с такой бессистемной учёбой и сдачей наудачу он бы вовек не поступил в уездную школу».

Тань Чан мысленно пожурил Цуй Цюэ, а Сын Неба Чэнхуа покачал головой и вздохнул:

— Учитель никуда не годится. Направить его... в Гоцзыцзянь, пусть его там обучат.

Евнух Цинь поспешно и громко огласил повеление императора Хунчжи, велел Цуй Се пасть на колени и изъявить благодарность за монаршую милость. Младший евнух тут же отправился передавать устный указ во Внутренний кабинет, чтобы средние писари составили официальный эдикт.

Цуй Се поклонился чисто на рефлекс, испытывая радость, смешанную с некой тревогой. Он написал столько сочинений, чтобы поступить лишь в уездную школу, а тут состряпал так себе стихотворение — и сразу попал в Гоцзыцзянь? Неужели император Хунчжи так любит поэтов?

Впрочем, даже любя поэтов, император Хунчжи не стал бы жаловать стихотворца подобного пошиба: выслушав одно стихотворение, он более не желал слушать ни строчки и лишь велел евнуху спросить, почему Цуй Се, прекрасно зная, что госпожа Сюй пыталась повредить ему, всё же подал прошение в её защиту.

К этому вопросу Цуй Се готовился давно, а потому развернуто ответил:

— Матушка провинилась перед государством и должна подлежать законам поднебесной — таков закон человеческий. Но сыновний долг и почтение к родителям — таков закон небесный и порядок вещей. Ученик не дерзнул из личных чувств нарушить закон государства, но не мог и ради закона государства пренебречь законом небесным. Не имея возможности удовлетворить

и тому и другому, мне оставалось лишь предложить себя взамен.

Сын Неба Чэнхуа спросил:

— Она ведь не растила тебя... А ты всё равно готов... проявлять сыновнюю почтительность?

Цуй Се ответил:

— Положение и имя идут первыми, а чувства — следом. В древности Великий Шунь являл высшую сыновнюю почтительность и не требовал, чтобы родители сперва относились к нему с добротой. Преступление матушки уже судимо законом государства, так как же я, будучи сыном, могу перешагнуть через священные узы матери и сына и смотреть на неё лишь как на преступницу?

Император Хунчжи на некоторое время умолк, а затем повелел:

— Пусть он удалится. Пожаловать ему пир.

Цуй Се отбыл из дворца, откушав высочайшего угощения, а высочайший указ о его зачислении в Гоцзыцзянь уже прибыл в семью Цуй.

Цуй Цюэ мгновенно осознал: император Хунчжи не намеревался карать всю семью из-за преступлений госпожи Сюй и желал дать семье Цуй светлое будущее. С таким сыном, снискавшим монаршее благоволение, в разговорах о его доме люди всё чаще будут упоминать о великой милости, оказанной Цуй Се, а бесчинства госпожи Сюй со временем изгладятся из памяти. К тому же, раз сам государь возвышает его сына, дерзнёт ли управа Шуньтяньфу и дальше препятствовать разводу и запрещать ему прогнать жену?

Избавившись от обузы в лице госпожи Сюй, он сможет с оптимизмом смотреть на собственную карьеру!

И в самом деле, вскоре глава управы Шуньтяньфу вынес решение о разводе с госпожой Сюй, а Министерство чинов вновь вернулось к вопросу о его продвижении по службе.

Цуй Цюэ рассудил, что его аттестация на начале года прошла вполне неплохо. Прослужив пару-тройку лет в провинции тихо и спокойно, пока люди не забудут о госпоже Сюй, а его сын совершит ещё несколько деяний, угодных государю, он, как отец, сможет снова получить повышение и вернуться в столицу.

Отрадно надеясь на лучшее, он дождался апреля, когда Министерство чинов выдвигало чиновников на должности. На сей раз в списках действительно значилось его имя: по чину ему дали повышение на один ранг и назначили на провинциальную должность младшего четвёртого ранга. Однако название земли, предшествовавшее названию должности, заставило его сердце похолодеть.

В совместном представлении Министерства чинов говорилось, что, поскольку он в Министерстве финансов ведал провиантом, налогами и военными расходами провинции Юньнань и хорошо знаком с учётом населения и налогообложением, его отправляют в Управление Бучжэнши провинции Юньнань помощником советника в ведомство по надзору за реестрами, дабы он заведовал обмерными работами, учётом населения и ведением реестров Хуанцэ!

Столичные чиновники, когда их назначали на неуютную должность в провинции, обычно

тянули время в столице месяца два-три, и Министерство чинов само собою переназначало их ближе к столице. Однако стоит Цуй Цюэ лишь нахмуриться, даже не успев выразить своего отказа, как глава отдела кадров тут же спросил:

— Академик Ханьлинь Цуй, неужто вы считаете Юньнань слишком далёкой, а чин младшего четвёртого ранга — не слишком высоким?

Разумеется, он был недоволен! Отправка в Юньнань равнялась ссылке, а столичному чиновнику вроде него незачем без причины отправляться на дальние границы.

К тому же обмер земель и составление подворных реестров Хуанцэ — поручение отнюдь не завидное: труд тяжёлый и изнурительный, к тому же легко навлечь на себя гнев влиятельных семейств. В Юньнани полно инородцев и местных правителей-туси, и ему, пришлому чиновнику, на каждом шагу свяжут руки, так что никаких реальных дел не совершить. Должность левого помощника советника в ведомстве по надзору за реестрами — лишь вспомогательный пост. Он не ведаёт ни гражданскими делами, ни просвещением. Даже если он по пример сына построит библиотеку, все заслуги припишут главе Управления Бучжэнши, а сколько славы достанется ему самому?

Не имея в руках реальных успехов, рассчитывать на лёгкое повышение не приходится. Неужели ему и впрямь придётся тянуть лямку в Юньнани целых девять лет? Он родился в десятый год правления Чжэнтун, сейчас ему сорок, да и здоровьем он не отличается. Выживет ли он после девяти лет в таком краю, вернётся ли назад?

Сцепив зубы, он произнёс:

— Я вовсе не гнушаюсь дальнего пути в Юньнань, но я уроженец столичной области Чжили, и по правилам меня не должны назначать на службу в Юньнань.

Тот глава отдела лишь усмехнулся:

— Вы, уважаемый, втянули двоих членов Внутреннего кабинета в подачу самообличительных докладов — подобного тоже не бывало в истории. К чему же при назначении говорить о правилах? Скажу вам прямо: эта должность советника выхлопотана двумя заместителями министра лишь из уважения к вашей прежней усердной службе, да и то в силу правил о дальних назначениях. Желаете — отправляйтесь, не желаете — сидите дома без должности в чиновничьем платье. Очередь из выпускников Гоцзыцзяня и цзюйчжэней, жаждущих поехать туда, отнюдь не пустует.

Какова бы ни была Юньнань, а все же чин младшего четвёртого ранга! Не поедет — останется дома чиновником пятого ранга без должности, и при любом раскладе никаких перспектив не просматривается...

Сжимая в руках назначение, он вернулся домой. И пока он раздумывал, ехать или нет, доложили, что братья госпожи Сюй снова пришли учинить скандал.

Хотя чины в семье госпожи Сюй были невысоки, братьев и зятьев у нее хватало, причем пара из них были совершенно отчаянными смутьянами — шума от них было немало. Ныне Цуй Се находился в Цяньани, дабы совершить жертвоприношения на могилах предков, оформить перевод из школы и уладить домашние дела... Без него — главной жертвы преследований госпожи Сюй — семья Сюй буянила всё пуще и даже угрожала подать жалобу, якобы Цуй Цюэ с госпожой Сюй вместе сговаривались завладеть той самой библиотекой.

Доведённый этим семейством до белого каления, он в конце концов решился и велел дворецкому собирать вещи: как только Цуй Се вернётся, они отправятся в Юньнань.

Тем временем Цуй Се находился в деревне Цзясян, совершая обряды в честь предков.

Вернувшись на родину, он первым делом нанёс визит начальнику уезда Ци, чтобы принести извинения за неудобства, причинённые в последнее время. Начальник уезда Ци не таил на него обиды и великодушно молвил:

— Госпожа Сюй тебе более не мачеха, какое отношение её злодеяния имеют к тебе? К тому же император Хунчжи мудр, а присутственные места судили по справедливости, так что я не понес никакого урона.

Его продвижение не только не пострадало, но и благодаря этой беде он получил выгоду — на него обратили внимание в Министерстве чинов, и в будущем, возможно, представится случай перевестись в столицу. Ему, чиновнику из числа обучавшихся в академии, прежде хватило бы за глаза должности начальника уезда низжайшей категории, а теперь перед ним открывались широкие перспективы карьеры столичного чиновника — чего ещё желать?

Даже его хушавая фигура на фоне душевного спокойствия слегка округлилась, морщины на лице разгладились, появился здоровый блеск, а ухоженная борода расправилась — хоть сейчас помещай портрет на обложку собрания сочинений без всякой обработки.

Цуй Се поздравил его несколькими тёплыми словами и сообщил, что по высочайшему указу зачислен на учёбу в Гоцзыцзянь, а потому вернулся, чтобы перевести свой школьный учёт из уездного училища в Государственное училище.

Начальник уезда Ци искренне обрадовался за него:

— Нынешний император мудр и прозорлив, он не дозволит подобному вундеркинду затеряться в глуши. Впредь прилежно учись и не оставляй стремления к экзаменам кэцзюй, не повторяй моей судьбы, доживая век лишь со статусом гуаньцзяня.

Цуй Се ответил:

— Ученик непременно приложит все силы к экзаменам кэцзюй и не посрамит ваших высоких надежд.

Начальник уезда Ци теперь лишь дожидался преемника, чтобы отправиться к новому месту службы в Шаньдун, так что текущие дела его не особенно бременили, и он сам взялся уладить все вопросы с переводом. Наставники и смотрители уездного училища хоть и жалели, что юноша не будет сдавать экзамены в Цяньани, однако поступление шэньюаня в Гоцзыцзянь считалось немалой заслугой местных властей. К тому же Цуй Се устроил для них пиршество, где бедные преподаватели от души наелись и унесли угощения с собой, оставшись презело довольными.

Уладив все важные дела, он в сопровождении слуг отправился в деревню Цзясян, чтобы совершить обряды в честь предков.